
Государственный Дарвиновский Музей в дни мира и Великой Отечественной Войны.

1941 — 1943

Александр Федорович Котс

Проф. А.Ф. Котс.

Основатель (1905) и Директор

Дарвиновского Музея в Москве

Мысль о создании в Москве музея имени великого британца родилась на его родине.

Тридцать восемь лет тому назад, при посещении Британского музея — этого величайшего музея мира — у пишущего эти строки (бывшего в ту пору студентом) зародилась идея о создании у себя на родине музея, посвященного учению Чарльза Дарвина.

Проходит менее десятилетия (1905-1913), и основанный по личной инициативе автора, на его личный заработок, Музей, по свидетельству ученых Запада, был уже одним из лучших в Европе.

Тогда же (1913) весь Музей был в дарственном порядке передан Московским Высшим Женским Курсам, при которых он и был основан в качестве учебно-вспомогательного института для обслуживания кафедры Дарвинизма. Московские Высшие Женские Курсы были в то время передовым высшим учебным заведением, своего рода «женским университетом».

Вторая, более длительная поездка в Лондон (1913), как и ряд других научных центров Западной Европы обеспечила его основателю возможность дальнейшего строительства музея Дарвина.

Четыре года мировой войны 1914-18г.г. не в силах задержать широкого применения полученного за границей опыта: именно в это время (1914-1919) полагается начало расширения естественно-научной экспозиции, путем привлечения художественной живописи и скульптуры. На те же годы падает и основание отдела Биопсихологии. Им долгие годы руководит доктор наук, Н.Н. Котс, бывшая ученица пишущего эти строки, и доньяне — верная спутница его жизни и сотрудник.

1917 год. Октябрьская Социалистическая революция. В этом году происходит национализация Дарвиновского музея. Музей получает средства и помещение, позволившие развернуть интенсивную работу, несмотря на трудные условия гражданских войн и послевоенной разрухи.

Москва голодная, холодная, тифозная. Мерзлые стены Дарвиновского Музея и — кипучая работа по созданию уникальных ценностей.

Именно в эту пору (1917-1923) создаются капитальные скульптуры-реконструкции внешнего облика людей Валеолина и монументальные портретные скульптуры-бюсты Дарвина, Ламарка, Уоллеса, Гексли, Гете и других соратников или предшественников Дарвина (работы скульптора В.А. Ватягина).

На то же время падает создание картин (пастель и масло), закрепляющих жизнь и творчество великих корифеев в области науки, начиная с Аристотеля, через Роджера Бэкона до Ньютона, Эразма Дарвина и Спенсера, не говоря уже о серии картин и скульптур из жизни Чарльза Дарвина и его верного апологета Томаса Гексли.

Параллельно с этими работами создаются сотни препаратов животных от миниатюрнейших колибри до гигантских медведей, слонов и тигров.

День за днем разрастаются сокровища Музея, оформляемые то в виде скульптурных реконструкций (обликов геологических предшественников нынешних слонов и лошадей), то серии монументальных бюстов выдающихся палеонтологов, ученых, «пробудивших» этих вымерших животных из их «каменного сна» (бюсты Ляйслля, Кювье, Осборна, Марша, Копа).

С того же времени берет начало любопытный «симбиоз» музея с производством, именно — с пушной промышленностью.

Музей участвует в культурно-бытовом обслуживании фабрик пушной промышленности, устраивая лекции и консультации по зоологии, помогая художественному оформлению рабочих выставок и клубов. В свою очередь рабочие, под руководством и по указаниям директора Музея, занимаясь сортировкой получаемой пушнины, отбирают ценные в научном отношении образцы, которые по себестоимости уступаются затем Музею.

Достаточно отметить, что имеющаяся в коллекциях Музея серия чучел цветовых вариаций «бурого медведя» собрана на основании просмотра 8.000 медвежьих шкур, организованного с помощью рабочих-сортировщиков.

Научная работа Дарвиновского музея протекала в двух разделах: изучения эволюции формы и психики животных.

Еще в 1973 году начались исследования заведующей Биопсихологическим Отделом Дарвиновского музея, доктора Н.Н. Котс, над самыми различными животными (собаками, волками, обезьянами, попугаями), лишь отчасти закрепленные в ряде монографий, нашедших высокую оценку в мировой науке и обусловившие персональное приглашение их автора на международные ученые конгрессы (Америка 1929; Париж — 1936 г.).

В меньшей мере удалось доселе закрепить в печати сорокалетние научные исследования, проведенные директором Музея над изменчивостью окраски у млекопитающих и птиц при использовании уникальных материалов: здесь достаточно отметить, что имеющиеся в собраниях музея серии цветовых вариаций и гибридов промысловых птиц (Тетраонида) являются «фильтратом» полувекового сбора и просмотра свыше ста миллионов экземпляров!

Только опираясь на такой гигантский материал (и на талантливую помощь препараторов музея — двух Федуловых и художников-анималистов, закрепивших в красочных художественно-научных экспонатах результаты исследований, удалось впервые и конкретно разрешить давнюю центральную проблему дарвинизма — о сравнимости изменчивости животных в одомашненном и диком состоянии).

Посвященные двум тесно связанным проблемам — эволюции телесных признаков и психики — эти работы не приостанавливались и за время нынешней войны, доказывая лишний раз, что только те занятия оправданы в эпоху мирного труда, которым есть чем выявить себя в дни испытания и кризиса.

За годы нынешней войны написана была (Н. Котс) обширная работа-сводка, подводящая итоги многолетним личным наблюдениям и опытам, как и литературным данным (в частности, исследованиям школы Павлова) касательно психики и поведения антропоидов в разрезе критики фашистской лже-теории расизма.

Ряд статей на темы, связывавшие проблемы дарвинизма и вопросы боевого опыта, написан был директором Музея.

В течение многих лет работниками музея изучались вопросы экспозиции музейного материала.

В итоге был разработан целый ряд новаторских приемов экспозиции, нашедших отражение в самом монтаже препаратов и в методике их сочетания с живописью и скульптурой.

Применить на практике все эти достижения возможно было бы лишь при наличии особых, специально оборудованных стен, с учетом местоположения каждого объекта.

Детально разработанный план такого специально оборудованного здания, был близок к своему осуществлению: сооружение нового здания Музея на 40 зал было намечено.

Всем этим планам, как и вообще культурной жизни страны был нанесен жестокий удар, когда 22 июня 1941 года фашистские войска вероломно переступили русские границы.

С первых же дней войны ушли на фронт добровольцами два сотрудника музея, люди призывного возраста. Оставшимся пришлось принять на свои плечи всю тяжесть ответственности за сохранность сокровищ Дарвиновского музея в условиях военного времени.

***

С начала Отечественной войны перед нами, сотрудниками и организаторами музея, встала задача: спасти музей от налетов фашистской авиации. Предстояло сделать временно невидимым наш Музей, чудесный мир животных форм и красок, над которым мы трудились долгие полвека!

Свыше тысячи картин и зарисовок, воплотивших в гармоничном синтезе науку и искусство, плод труда и творчества плеяды замечательных художников — сошли со стен Музея и свернулись в безобразные тюки и свертки.

Тысячи посмертно сохраненных обликов зверей и птиц — плод векового сбора и труда крупнейших препараторов России, — оказались заколоченными в ящиках для вывоза из стен Музея, или спущены в его подвальные хранилища.

Пылающие краски ибисов и попугаев, изумруды и смарагды, диадемы, веера, султаны Райских птиц, — все они укрылись в темных подземельях нашего Музея, притаившись под бетонными их сводами...

И все же часть сокровищ приходилось предоставить своей участи, оставив их на месте, в выставочных залах.

Ни гигантские скульптуры вымерших зверей и птиц, ни чучела слонов невозможно было ни укрыть, ни вывезти. А в отношении десятков менее объемистых, но все же крупных экспонатов приходилось ограничиться их удалением на верхних зал и размещением в нижних этажах Музея.

Как и вся многомиллионная столица, так и скромный коллектив Музея жил в ту пору лишь одною волей и одною верой: волей к обороне и уверенностью за ее успех.

Ровно через месяц после объявления войны, Музею, как и всей столице, пришлось прожить ночь «боевого крещения», а немного спустя — успешно отразить прямой удар.

24-е Июля. Ночь. Воздушная тревога.

Первые вопли воющей сирены — и сотрудники Музея на своих постах, готовясь встретить зажигательные бомбы.

Дежуря на своем посту, на чердаке, препаратор и старейший сотрудник Музея Ф.Е. Федулов вслушивался в жуткую симфонию ночного боя — визг бомб, стрельбу зениток, треск пулеметов и свинцовый дождь осколков.

Внезапно старому препаратору почудилось, что где то очень близко с визгом пролетел снаряд. Пронесся он вне стен Музея, не задев ни крыши, ни чердачных помещений.

Можно было думать, что опасность миновала: бомба, очевидно, пронеслась по улице и мирно догорает на ее асфальте. Но в эту минуту резкий запах дыма привлек внимание старика.

Бросок по лестнице, рывок за двери — и перед глазами жуткая картина.

Весь громадный зал затянут едким белым дымом. Охватив тяжелую матерчатую штору одного окна, бурно и ярко колыхалось пламя, извергая огненные брызги далеко вокруг себя, зажигательная бомба, рикошетом от соседней крыши скользнувшая в окно Музея.

Броситься к окну, сорвать пылающий тяжелый занавес, засыпать и залить водой непрошенную гостью, вышвырнуть ее обратно — было делом нескольких секунд.

Неожиданную помощь в этой спасательной работе оказало чучело кабаньей головы, случайно оказавшееся близ окна. Тщетно поливаемая огненными брызгами, щетина кабана лишь тлела и чадила, но не зажигалась, не давала пищи для распространения огня.

... Сменялись дни, сравнительно спокойные, сменялись ночи, полные тревоги: вой сирены с наступлением темноты и временный «отбой» при первом блеске утренней зари.

А потом?

А потом появился новый неожиданный незримый благодетельный союзник, именуемый... привычкой.

Что в том, что в нескольких шагах от здания Музея полновесная фугаска превратила десятиэтажный дом в гигантский кратер... в низких сводчатых подвалах помещения музея можно было наблюдать в часы «тревоги» такие например, сцепки.

Перед аудиторией детишек, собранных в бомбоубежище Музея, подросток, сын директора, занят демонстрацией картинок аллоскопа или небольшого кино-аппарата.

Там — на воле — сыпятся снаряды, рвутся бомбы — здесь, в подвале ребятишки с упоением смотрят занимательные фильмы.

А на утро, после ночи, проведенной в обстановке боевых тревог и интенсивного обстрела. Дети служащих Музея с живейшим интересом разбираются в осколках бомб и боевых снарядов, этого очередного «урожая», собранного на крышах здания и на дворе Музея.

Все чаще узнавали мы о вражьих самолетах, сбитых на ближайших подступах к столице. Все чаще искорканые «Мессершмидты» выставлялись на площадях Москвы.

И, однако, бой за столицу только начинался и до перелома было далеко.

Всецело ограничиваться лишь охраной наших ценностей мы не могли. На очереди было — возвратиться к прерванной работе.

Она мыслилась двояко: нужно было приступить созданию новых, более созвучных времени культурных ценностей и бросить их на службу новым потребителям.

***

«Враг у ворот Москвы!» — и в эту пору заниматься мирным творчеством музейной жизни — никогда еще запросы Марса и Минервы не стояли в столь заведомом противоречии!

Но ставить так вопрос — не значит ли предполагать, что ценные лишь в обстановке мира мысль ученого и кисть художника излишни, бесполезны и бездейственны в условиях войны?

В Музее не было на этот раз испытанного давнего работника еще со времен гражданских войн — художника Ватагина, уехавшего до войны на юг и временно отрезанного от Москвы.

Но оставался на посту другой сотрудник, даровитый скульптор и анималист-художник Флеров, совмещавший знания зоолога, уверенность резца и кисти с тонким знанием животной формы, интересом к истории культуры и громадным опытом искусного полевого натуралиста.

И не трудно было набросать ближайшие темы наших работ:

1. Роль животных, как орудия боя.
2. Явление маскировки у животных, как прообраз для военной маскировки.
3. Фашистская «теория» расизма-мнимой разноценности людских народностей и рас.

Таковы три главные темы, работа над которыми не прерывалась в самые тяжелые, критические дни, когда враг стоял в нескольких десятках километров от Москвы.

Сколько раз за эти грозные и героические дни художнику невольно приходилось прерывать свою работу, когда вой сирены вынуждал сменять палитру на противогаз, работы перед мольбертом — работами на крыше в ожидании бомбежек.

На очереди был еще один вопрос: о новом потребителе, о новой аудитории.

Здесь, в Москве, меж каменных громад, за стенами больниц и лазаретов, окруженные заботливым уходом и вниманием, лежат те, кто кровью закрепили свою преданность родной стране.

Туда, за скрытые пороги госпитальных стен звало, манило чувство долга.

***

Хорошо запомнился мне первый наш выезд: в Госпиталь, где находились больные с челюстными ранениями.

Уютная, хотя и небольшая угловая аудитория-клуб Госпиталя.

Быстрыми, умелыми руками молодого моего помощника-сына (Руди Котс) налажены экран и установка фонаря.

Привычными движениями руки я, стоя рядом, растасовывают стекла диапозитивов: старые картины, давние сюжеты и знакомая тематика «Происхождения человека».

Планируя ход моей лекции, я подбираю стекла диапозитивов.

Вот — прямой и тонкий абрис человеческого черепа — основа лицевого профиля, с его типично-выступающим подбородком, свойственным лишь человеку.

Вот двойной жемчужный ряд зубов — существенный для механизма речи...

Вот — волнистая, стройно-извилистая линия изгибов позвоночника — условие «прямохождения» и гордой «человеческой» посадки головы.

Вот — изумительная сводчатость стопы — основа легкой и «пружинистой походки».

Вот — «орудие орудий» — человеческая кисть, послушный орган человеческой культуры, будь то в повседневном обиходе жизни, в области технического гения или в художественных достижениях: творчестве Микель-Анжело, Торвальдсена или Паганини...

Так, планируя беседу, подбираю я доводы и факты, опираясь на бесспорнейшие факты анатомии, на Дарвина и Энгельса на свой сорокалетний опыт лектора-анатома но... позабыв — увы! о том, **кому** на этот раз предназначалась лекция.

Забыл я о составе аудитории.

Лишь медленно и постепенно она стала собираться.

Да, лишь очень-очень медленно сходилась, чтобы ни сказать сползлась она, двигаясь на костылях, хромая и в припрыжку, или волоча с трудом свои больные, забинтованные ноги и обрубки ног, с трудом поддерживая на весу больные руки и остатки рук.

На согнутых, сгорбленных спинах или неподвижных шеях, головы людей, со взглядом, устремленными то вниз, то вбок и редко — прямо к собеседнику.

А там, где этот взгляд был устремлен на вас — там самому хотелось опустить глаза!

Один из этих жутких образов навеки запечатлелся в моей памяти.

Пониже глаз и книзу от остатков носа — красная зияющая яма, без намека на присутствие зубов и языка...

Рванные края отсутствующих губ — и звуки, нечто среднее между урчанием и стонами, отрывисто и глухо исходящие из горла.

Больной пытался, видимо, вступить со мной в беседу. Преодолевая чувство безграничной жалости, я напрягал все силы, чтобы разобрать хотя бы отдаленно смысл этих звуков и... не мог.

Мне оставалось ограничиться лишь теплым взглядом и дружеским пожатием руки...

При виде этого собрания искалеченных, изуродованных людей гнетущая мысль охватывала душу.

Не жестокостью ли было бы подчеркивать перед ними специфические свойства человеческой походки, совершенство нашей кисти и стопы... беседовать перед лицом людей, лишившихся лица, о свойствах человеческого профиля!

Пришлось невольно, тут же, «находку» переменить тематику беседы и характер всей аргументации...

Первые наши выезды носили эпизодический, случайный характер и не отвечали времени, силам и знаниям, которые мы были бы рады отдать этому делу. На очереди стало — направить всю нашу работу в более широкое и плановое русло.

Предстояло обратиться в Наркомат обороны в целях направления в ряд ближайших крупных госпиталей.

С чем могли мы, люди науки, прийти к раненым бойцам, иногда на долгие годы и месяцы прикованным к больничной койке?

С нами был наш опыт лекторов и пропагандистов. В нашем распоряжении был разнообразный зрительный материал — картины, диапозитивы, зарисовки.

Естественно было начать с **лекций**, как наиболее простой и доступной формы общежития с аудиторией. Вот наиболее характерные темы наших лекций:

«К истории боевого коня», «Органы нападения и защиты у животных и вооружение человека», «Маскировка у животных и военная маскировка», «Что нужно знать разведчику о поведении диких животных в прифронтовой полосе», «О происхождении человека». «Разоблачение расовой лже- теории фашизма».

Второй формой нашей работы были **выставки**. Большим успехом пользовалась наша выставка на тему — «Животные и война в историческом обзоре». Здесь мы сгруппировали часть картин работы Флерова (в оригиналах). На нашей выставке животные были изображены как средства и орудия войны от античной древности до наших дней (от боевых верблюдов и слонов до боевых собак и боевых коней).

Особый отдел был посвящен истории конницы со времен сарматов, ассирийцев, скифов и ливийцев, — отсюда переход к коннице времен античной Греции, Рима, к роли вооруженной конницы в эпохи мавров и великого переселения народов, в эпоху рыцарства. Мы включили также и материал об истории русской конницы от времен Александра Невского и Дмитрия Донского до нашего времени. Помещение в госпитале, послужившее нам выставочным залом, было удачно расположена, оно одновременно служило местом приема проходящих посетителей и местом отдыха для «ходячих» больных и раненых со всех этажей. За пять месяцев нашу выставку просмотрели десятки тысяч человек.

***

...Беззвучный лифт поднимает нас на один из средних этажей многоэтажного гиганта.

Здесь временно нашли приют, уход, лечение и ласку тысячи бойцов, чтобы по выздоровлении вернуться к ратным подвигам или мирному труду...

С нами наша аппаратура — рисунки, таблицы, фотографии, фонари и диапозитивы.

Небольшая, светлая, приветливая зала, предназначенная для «ходячих», выздоравливающих больных и раненых, — комната отдыха. Сюда из множества палат и коридоров сходятся их обитатели, кто двигаясь уже свободно, кто — на костылях.

При входе в залу — первая задача лектора собрать вокруг себя ее скучающее население. А скучающие есть. Одни больные, правда, заняты игрою в шашки, а другие перелистыванием журналов или слушанием патефона, но значительное большинство сидит и бродит, видимо не зная, чем заполнить вынуждены своей досуг.

Случайный гость в этих уютных стенах, вы берете на себя роль хозяина.

— «Товарищи!» — так обращаюсь я к бойцам. «Я вижу, многие из Вас не слишком заняты! Позвольте Вам представиться. Старый профессор из числа „не скучных“ ....! Что, если я Вас позайму немного? Расскажу о чем-нибудь занятном и полезном? Если Вы — не прочь — то приступаем к делу! Стульев здесь достаточно... Расставим их вот так... (Сын расставляет стулья полукругом). Милости прошу! Садитесь! Все места — ненумерованные!»

Смех, улыбки... Публика заинтригована. Оставлены журналы, замолкает патефон и даже дуэлянты-шахматисты прерывают бой.

Проходит несколько минут и перед нами сомкнутая аудитория из нескольких десятков человек.

Тема лекции: «Маскировка у животных и военная маскировка».

Принесенные картины расставляются вдоль стен, коробки и рисунки раздаются на руки. Я приступаю к лекции.

Я предлагаю совершить со мною небольшое «путешествие» от ледяных просторов Арктики через угрюмую тайгу к унылой степи и пустыни, чтобы убедиться, как животные различных стран покрашены под цвет их окружающих ландшафтов, применяясь то к сверкающему снегу тундры и тайги, то к зелени лесов, то к блеклой почве степи и пескам пустыни.

Я подчеркиваю **три** закона маскировки, укрывания, деформации и копирования, — равно приложимые в животном мире и в военной практике, указываю, как эта последняя усваивала опыт первого и как недопустимо всякое пренебрежение маскировкой в обстановке боя.

Это — канва беседы. Но важнее формы речи: полная непринужденность, простота общения.

И все же эти лекции или беседы для «ходячих» раненых лишь мало отличаются по стилю и методике от тех, которые читаются обычно в клубах для здоровых обитателей казарм и лагерей.

Совсем иначе складывается работа с тяжело-больными или ранеными категории «лежачих».

Их обслуживание производится в самих палатах, и оно то привлекала нас по преимуществу.

Понятно почему. Сюда, именно к этой категории относятся «трудно-больные», наиболее нуждающиеся в живом и бодром слове, в развлекающей и «отвлекающей» беседе.

Отсюда основное требование: придавать беседам с тяжело-больными ту предельную занятность, увлекательность и задушевность, при которой недосказанное слово договаривает чувство.

***

Вы входите в палату.

Ваш приход сначала остается незамеченным: привыкшие к визитам докторов больные принимают вас за одного из них.

Но это не смущает вас. И первая задача: с первых слов наладить тот эмоциональный контакт, то обоюдное доверие и понимание, без которых ваше посещение бесцельно.

— «Здравствуйтесь!» — приветливо и бодро — но не слишком громко — говорю я, стоя между койками, или прохаживаясь между ними. — «Вот пришел к вам старый профессор, чтобы вас немножечко занять и поразвлечь... А то ведь вы наверное все время думаете только об одном, и мысли ваши вас уже успели утомить... Позвольте мне перевести их на другие рельсы! И не бойтесь, я не утомлю вас и температуры вашей не повышу! Лишь на полчаса вы уделите мне немножечко внимания! А если кто из вас предпочитает спать — то спите на здоровье! Сон для вас сейчас всего нужнее!».

Вносится оставленная в коридоре демонстрационная аппаратура.

Я начинаю рассказывать про свою чудесную науку, про животных разных стран, о том, как борются животные за свою жизнь.

Науку о животных я пробую связать с тематикой войны. Я стремлюсь показать, как преступны и лживы утверждения фашистов, будто бы угнетение одних народностей другими может быть оправдано наукой, ссылкой на «борьбу за жизнь» у животных.

Нетрудно видеть, что беседы или лекции, построенные таким образом, преследуют двойную цель: внести оживление в ряды больных, связать ученых с мастерами боевого опыта, залпы орудий с залпами идей...

***

С особым удовольствием я вспоминаю об оригинальном диспуте с одним из своих слушателей — бойцов.

Показывая серию картин с изображением животных, в частности фигуры бурого медведя в обстановке зимней северной тайги, я слышу громкий и уверенный протест с одной из коек:

— «Ох, не так! Зимой медведи спят в берлогах, а не бродят по лесу!»

— «Конечно!» — соглашаюсь я — «Медведи на зиму впадают в спячку, забиваются в берлогу. Но бывает, что медведь, не нагулявши жиру, не ложится с наступлением зимы в берлогу... Вот такого „шатуна“ — по выражению охотников — художник наш изобразил здесь на своей картине.»

— «Нет!» — продолжает возражать мой оппонент — «я — сам охотник-медвежатник, я промышленник с Урала... у медведя-шатуна — мех не такой»

— «Но предположим» — говорю я (чувствуя, что оппозиция — серьезная...), «но предположим, что зима уже на исходе, что изображенный здесь медведь проснулся после зимней спячки, что медведь этот — весенний!»

— «Нет!» — упорствует мой оппонент: — «Весною снег совсем другой!»

Прижатый натиском противника, я прибегаю к самому последнему отчаянному аргументу.

— «Дорогой товарищ!» — говорю я тоном примиряющего соглашения: — «Вы — правы. Снег картины — не весенний и медведь, на нем изображенный — не „Шатун“. Это — медведь берложный. Но вообразите, что медведя этого охотник незадолго до того испугнул с берлоги, выстрелил, но промахнулся и теперь медведь гуляет по лесу, чтобы немного погодя опять залечь в берлогу».

Озадаченный подобным аргументом мой противник, улыбаясь соглашается. Престиж науки сохранен, как и авторитет уральского бойца-охотника. Население палаты еще более сроднилось с лектором.

Едва ли нужно говорить, что диспуты такого рода мыслимы лишь при известном уровне физического самочувствия больных, и что бывают случаи, когда самые бодрые слова не в силах захватить внимания тяжело-больного.

Перед лицом таких особо трудно-раненых и тяжело-больных научные идеи уступают место теплоте участия и дружескому слову.

И тем знаменательнее случаи, когда занятость, необычность зрительного впечатления успешно конкурирует с этим участием и с этой лаской.

Сколько раз нам приходилось быть свидетелями сцен такого рода.

Тщетно медсестра или сиделка всеми силами старается утешить, успокоить тяжело больного, уложить его на койке по желанию: больной заметно нервничает, «все ему не так!»

А вот, чего не в силах сделать медсестра, или сиделка — выполняют мои бабочки, или кузнечики.

При виде бабочек или жучков, похожих на сучки и листья, наш больной невольно отвлекается от своего недуга, смотрит с удивлением на этих «притворяшек», а тем временем сиделка незаметно ретируется, чтобы спешить на зов других больных.

Нередко я прибегаю к незатейливым приемам пробуждения соперничества и соревнования среди больных.

— «Вот» — говорю я обитателям палаты, передавая одному из них коробку с насекомым, подражающим листу — «вот мы сейчас проверим остроту вашего зрения! Скажите, сколько бабочек или жучков находится в этой коробке?»

Испытуемый глядит во все глаза, старается не уронить себя во мнении товарищей и то справляется с задачей, то лишь тщетно ищет, ошибается к невинному злорадству окружающих. Но основная цель достигнута: внимание больных «переключилось».

Таким путем, то прибегая к длительным беседам, то к эпизодическим рассказам и показам, удается овладеть вниманием даже тяжело-больных.

Помнится, как среди этих тяжело-больных мне встретился однажды и один из моих давних учеников.

— «А я ведь был у вас, в музее!» — шепчет мне, стараясь улыбнуться, человек с ногой, подвешенной на сложном такелаже. — «Я ведь был у вас, когда учился в школе... были мы всем классом, и вы сами нас водили по музею... хорошо было...»

Такие встречи с бывшими учениками наблюдались всего чаще при обслуживании палат командного состава.

С особым интересом и внимание относились мои слушатели-командиры к лекциям, касавшимся истории науки, в частности предшественников Дарвина.

Именно эту тему удавалось прорабатывать особенно наглядно, пользуясь обширной серией оригинальных красочных картин, рисующих отдельные моменты творчества и жизни гениального ученого и его соратников.

Живому изложению этой темы содействовали и мои воспоминания о посещении Англии и личное знакомство с рядом выдающихся ее ученых, в частности с профессором Джулианом Гексли (внуком знаменитого сподвижника Дарвина — давним другом Советского Союза).

***

Ярко и неизгладимо на всю жизнь сохранились в моей памяти картины жизни госпиталя накануне новогодних празднеств и в ближайшие за ними дни.

Москва — в сугробах снега, освещенная лишь отсветом звездного неба.

Поздний вечер. Весь гигантский госпиталь снаружи — необъятный, плотно замурованный черный ящик.

Не то — внутри. Идете Вы по полукилометровым и полутемным коридорам, а направо и налево двери, приоткрытые в палаты, тоже полу-темные.

Но в каждой из палат сияет феерично многоцветными огнями лампочек раскидистая елочка, внося неизъяснимую поэзию и отсвет мира в эту обстановку лазаретных коек, в синие халаты раненых, в это унылое в другое время царство марли, гипса, ваты и ланцета.

Приветливо глядят на нас больные. Мыслями и сердцем они, верно, далеко отсюда, там, у своих близких, отделенные от них, быть может, тысячами километров.

Подносить в подобной обстановке, при такой настроенности обитателей палат академические лекции способны только безнадежные педанты.

И поэтому совершенно иначе слагаются мои беседы в эти дни, при свете елочных огней и в обрамлении зеленой хвои.

«В эти дни» — так говорю я, приходя в палату — «вам, конечно, больше, чем когда либо недостает ваших родных и близких... Заменить их вам никто не может. Но вообразите, что пришел к вам добрый ваш приятель, добрый друг, который пожелал бы рассказать о своих странствованиях по чужим краям, о людях и природе разных стран...»

И я рассказываю о поездках в Азию и за границу, о встречах с замечательными людьми науки и искусства.

Я заканчиваю обычно выражением уверенности в том, что посягнув на стены, видевшие творчество великого русского народа, враг бессилён задержать и обесценить его светлое грядущее!

Приветливо-торжествующе сияют елки и рубины их лучей успешно борются с рубиновыми пятнами бинтов и марли, а ароматы хвои — с запахом от иодоформа... Неподвижные, словно зачарованные фигуры раненых в халатах. Там — на койках, здесь — сгрудясь у елки, внимательно следят за незатейливым рассказом старого профессора.

Но пора — домой. Снимаешь свой халат, спускаешься в вестибюль, и выйдя из портала, замаскированного бревнами и досками, внезапно окунаешься во мглу январьской ночи.

Могучий чёрный силуэт гиганта-госпиталя чуть виднеется на фоне неба и не верится, что там, внутри оставил за собою тысячи цветных огней и сотни дружеских сердец...

Таковы отдельные картинки, блики и штрихи нашей работы, чувства, мысли и мечты, родившиеся в ходе нашей госпитальной практики.